

Дарвинизмъ и нравственный прогрессъ *)

Дарвинизмъ теперь пользуется широкимъ правомъ гражданства какъ въ наукѣ, такъ и въ ходячемъ образѣ мыслей. Принципы—борьбы за существованіе, естественнаго и искусственнаго подбора, наслѣдственности, вообще принципы такъ-называемой эволюціонной теоріи фигурируютъ постоянно и въ научныхъ трактатахъ и въ публицистикѣ и беллетристикѣ, и въ обыденныхъ разговорахъ. Дарвинизмъ пересталъ быть достояніемъ ученыхъ кабинетовъ, — онъ давно уже вышелъ на улицу и сдѣлался ходячей монетой. Его принципы не ограничиваются уже областію науки, но и проникаютъ въ жизнь; изъ него черѣдко дѣлаются такія приложенія, о которыхъ, вѣроятно, не думалъ и самъ творецъ его. Дарвина, какъ мы знаемъ, не былъ моралистомъ; съ пачала до конца онъ исключительно оставался натуралистомъ, желающимъ объяснить физическую и духовную природу человѣка изъ исторіи его прошлаго бытія. Своей теоріи о происхожденіи человѣка онъ не придавалъ значенія непреложной истины. Свои заключенія и выводы онъ постоянно, или большею частію, сопровождаетъ выраженіями: „мы имѣемъ право предполагать“, „имѣемъ право думать“, „можетъ быть“, „вѣроятно“ и т. под. Но такая скромность была чужда значительному большинству его полуобразованныхъ почитателей, для которыхъ его теорія явилась новымъ словомъ, имѣющимъ оракульное значеніе. Съ стремительностію и фанатизмомъ, достойными лучшаго дѣла, эти неумѣренные почитатели возводятъ новое ученіе въ догматъ и стараются дѣлать изъ него разнаго рода практиче-

---

*) Публичное чтеніе, произнесенное въ Москвѣ, въ залѣ Синодальнаго училища.

скія приложенія, желая обосновать имъ всю сферу нравственной дѣятельности человѣка. Последнее обстоятельство и побудило насъ заняться вопросомъ, — можетъ ли дарвинизмъ содѣйствовать нравственному прогрессу и не опасно ли для человѣка его принципами руководствоваться въ своей нравственной дѣятельности?

I.

Мы не станемъ подробно излагать теорію Дарвина о происхожденіи человѣка, — полагаемъ, что въ общемъ она извѣстна слушателямъ. Мы отмѣтимъ только ея существенные и характерные пункты.

Исходя изъ той мысли, что „тѣло человѣка устроено по тому же общему плану, какъ и другихъ млекопитающихъ“; что „онъ проходитъ чрезъ тѣ же фазы зародышеваго развитія и удерживаетъ многія зачаточныя и бесполезныя образованія, которыя нѣкогда имѣли, безъ всякаго сомнѣнія, опредѣленную цѣль“; что „мы видимъ въ человѣкѣ примѣры случайнаго возврата извѣстныхъ особенностей, которыя, очевидно, должны были быть принадлежностію его равныхъ родоначальниковъ“; что „эти явленія были бы простой игрой природы, если бы человѣкъ отличался отъ всѣхъ другихъ животныхъ“, — Дарвинъ приходитъ къ мысли, что „всѣ эти явленія становятся понятными только въ томъ случаѣ, если видѣть въ человѣкѣ, какъ и другихъ млекопитающихъ, потомка какой-либо неизвѣстной низшей формы“. (Соч. Дарв., т. II, стр. 103, изд. Поповой, 1896 г.).

Если мы возьмемся за генеалогическую нить, идущую отъ самыхъ отдаленныхъ предковъ человѣка, и пойдемъ по ея направленію, то мы должны будемъ углубиться въ крайне отдаленные отъ насъ періоды времени и спуститься до такихъ формъ жизни, которыя, повидимому, ничего общаго съ настоящимъ видомъ человѣка не имѣютъ, но которыя тѣмъ не менѣе, по мнѣнію Дарвина, оставили свой слѣдъ, сохраняющійся и до сихъ поръ въ его настоящей организаціи. „Самые древніе родоначальники царства позвоночныхъ, говоритъ Дарвинъ, о которыхъ мы можемъ составить собѣ хотя неясное представленіе, были, очевидно, морскими животными, сходными съ личинками живущихъ теперь асси-

дій. Изъ этихъ животныхъ развилась, повидимому, группа рыбъ, организованныхъ такъ же низко, какъ ланцетникъ; изъ послѣдней же — твердочешуйныя и другія рыбы, подобныя чешуйчатнику. Незначительный шагъ впередъ приводить отъ этихъ рыбъ къземноводнымъ... Птицы и пресмыкающіяся были нѣкогда близко соединены между собою, а птицы-звѣри представляютъ теперь до нѣкоторой степени соединительное звено между млекопитающими и пресмыкающимися... Въ классѣ млекопитающихъ не трудно представить себѣ ступени, ведущія отъ древнихъ птице-звѣрей къ древнимъ сумчатымъ и отъ этихъ къ древнимъ предкамъ живородящихъ млекопитающихъ. Мы можемъ подняться такимъ образомъ до лемурныхъ, а отъ этихъ послѣднихъ уже не великъ промежутокъ до обезьянъ. Обезьяны раздѣлились между собою на двѣ большія вѣтви: обезьянъ стараго и новаго свѣта. Отъ послѣднихъ (первыхъ?) же произошелъ въ отдаленный періодъ времени человѣкъ, чудо и слава міра“ (ibid. стр. 117). „Предположеніе, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Дарвинъ, въ силу котораго животныя столь различныя, какъ обезьяна, слонъ, колибѣи, змѣя, лягушка, рыба и т. дал. могли всѣ произойти отъ одного родоначальника, покажется чудовищнымъ тѣмъ, которые незнакомы съ новѣйшимъ движеніемъ естественной исторіи“ (ibid. стр. 112).

Итакъ, въ самый отдаленный періодъ времени, на самой низшей ступени развитія животнаго царства, до которой только могутъ доходить наши предположенія и догадки, нашими прародителями были неизвѣстныя существа, имѣющія форму рыбы, и слѣд., водяныя животныя, такъ какъ, говоритъ Дарвинъ, „морфологія ясно показываетъ, что наши легкія состоятъ изъ видоизмѣненнаго плавательнаго пузыря, служившаго нѣкогда гидростатическимъ снарядомъ. Щели на шеѣ человѣческаго зародыша указываютъ на прежне положеніе жаберъ. Въ мѣсячныхъ или подѣльныхъ срокахъ наступленія нѣкоторыхъ функций нашего тѣла мы, очевидно, сохраняемъ отголоски нашей первобытной родины — морскаго берега, омываемаго приливами... Эти древніе предки человѣка, которые являются намъ въ темной дали прошлыхъ вѣковъ, должны были быть организованы такъ же низко, какъ amphioxus lanceolatus, или даже еще ниже“ (ibid. стр. 114).

Путемъ безчисленныхъ видоизмѣненій во внѣшней и внутренней организаціи, совершавшихся въ теченіи необъятныхъ періодовъ времени, не поддающихся сколько-нибудь точному исчисленію, нашъ водяной прародитель вынырнулъ на свѣтъ Божій и здѣсь медленно и постепенно сталъ возвышаться по лѣстницѣ животнаго царства и, наконецъ, поднялся до образа нашей ближайшей родственницы — четверорукой обезьяны. Не безынтересно взглянуть и на портретъ нашего ближайшаго родича, какъ намъ рисуетъ его Дарвинъ:

„Древніе родоначальники, говоритъ онъ, были, безъ всякаго сомнѣнія, покрыты нѣкогда волосами (и оба поа имѣли волосы), ихъ уши были заострены и подвижны, а тѣло кончалось хвостомъ съ принадлежащими къ нему мышцами. Ихъ конечности и туловище были приводимы въ движеніе многими мышцами, которыя появляются лишь случайно у теперешняго человѣка, но составляютъ нормальное явленіе у четверорукихъ... Нога, судя по формѣ большаго пальца у зародыша, была въ это время хватательнымъ орудіемъ; наши предки были, безъ всякаго сомнѣнія, древесными животными и населяли какую-нибудь теплую лѣсистую страну. Самцы имѣли большіе клыки, которые служили имъ грознымъ оружіемъ“ (ibid стр. 114).

Свою главу о сродствахъ и генеологіи человѣка Дарвинъ заканчиваетъ слѣдующими многозначительными словами: „такимъ образомъ, мы дали человѣку родословную значительной длины, но, намъ могутъ сказать, не слишкомъ благороднаго свойства. Не разъ было говорено, что земля какъ бы долго готовилась къ принятію человѣка, и въ одномъ отношеніи это строго справедливо, потому что человѣкъ обязанъ своимъ существованіемъ длинному ряду предковъ. Если бы не существовало котораго-либо изъ звеньевъ этой цѣпи, человѣкъ не былъ бы совершенно тѣмъ, что онъ есть. Если мы не станемъ добровольно закрывать глазъ, то и съ теперешними нашими знаніями намъ можно будетъ приблизительно узнать нашихъ прародителей. Стыдиться ихъ — право нечего. Самый скромный организмъ все же несравненно выше неорганической пыли подъ нашими ногами, и неизвращенный умъ не можетъ изучать какого бы то ни было живаго существа, даже самаго низ-

шаго, безъ удивленія предъ его чуднымъ строеніемъ и свойстнами“ (ibid. стр. 117—118).

Какъ по тѣлесной организаціи своей человѣкъ, по теоріи Дарвина, является потомкомъ представителя одной изъ низшихъ формъ животной жизни, такъ и по своимъ внутреннимъ психическимъ свойствамъ онъ состоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ міромъ животныхъ. Если въ этомъ отношеніи и есть различіе между человѣкомъ и животными, то оно не *качественное*, а *количественное*.

Въ духѣ человѣка, слѣдоват., нѣтъ ничего такого, что не было бы присуще и душѣ животныхъ. Если, какъ мы увидимъ, Дарвинъ и находитъ въ человѣкѣ нѣкоторыя свойства, которыя составляютъ исключительную принадлежность человѣческой духовной природы, то это уже съ его стороны является нѣкоторою непослѣдовательностію: по смыслу его теоріи, утверждающей, что различіе между человѣкомъ и животными въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ есть не *качественное*, а *количественное*, такихъ исключительныхъ свойствъ въ человѣкѣ быть не можетъ.

Обращаясь къ чувствующей сторонѣ человѣка и животныхъ, Дарвинъ утверждаетъ, что даже низшія изъ нихъ способны ощущать удовольствіе и страданіе, счастье и несчастье; болѣе же сложныя наши чувства свойственны также и низшимъ животнымъ. Такъ Дарвинъ говоритъ о ревности собакъ, ихъ великодушій, обидчивости обезьянъ. Онъ приписываетъ животнымъ чувства удивленія, любопытства, подражательности; а собаки, по его мнѣнію, склонны къ юмору и суевѣрію. Говоря объ умственныхъ способностяхъ животныхъ, онъ упоминаетъ о вниманіи, ихъ превосходной памяти. Изъ того факта, что животныя видятъ сны, Дарвинъ заключаетъ, что они обладаютъ нѣкоторой долей воображенія, а на основаніи того, что животныя останавливаются, обдумываютъ и принимаютъ то или иное рѣшеніе, Дарвинъ приписываетъ имъ разумъ, забывая при этомъ, что подъ способностію *разума* мы обыкновенно разумѣемъ нѣчто большее. Дѣлая общій выводъ объ одинаковости чувствъ и умственныхъ способностей человѣка и животныхъ, Дарвинъ говоритъ: „мнѣ кажется вполне доказаннымъ, что человѣкъ и высшія животныя, въ особенности приматы, имѣютъ нѣкоторое число общихъ инстинктовъ. У

всѣхъ ихъ одинаковыя органы чувствъ, побужденія и ощущенія; у всѣхъ одинаковыя страсти, привязанности и чувствованія,—даже самыя сложныя, какъ ревность, подозрительность, соревнованіе, благодарность и великодушіе; они способны обманывать и умѣютъ мстить; иногда способны понимать смѣшное и обладаютъ даже чувствомъ юмора; они любопытны и способны удивляться, обладаютъ, хотя и въ различной степени, способностями къ подражанію, вниманію, разсужденію и выбору; обладаютъ памятью, воображеніемъ, ассоціаціей представленій и разумомъ. Особы одного и того же вида представляютъ всѣ ступени отъ полнѣйшей глупости до большаго ума. Такъ же, какъ человѣкъ, они страдаютъ умопомѣшательствомъ, хотя подвержены ему въ меньшей степени“ (ibid. 53).

Но Дарвинъ идетъ еще далѣе. Онъ говоритъ объ умственномъ и нравственномъ прогрессѣ животныхъ (собаки, крысы), объ ихъ умѣньи употреблять орудія, огонь, одежду (орангъ, павіана), о способности отвлеченія, образованія общихъ понятій (собаки), нѣкоторою степенью самосознанія. Даже относительно способности *рѣчи* Дарвинъ говоритъ, что, хотя членораздѣльная рѣчь свойственна одному человѣку, тѣмъ не менѣе отъ низшихъ животныхъ онъ „отличается только тѣмъ, что обладаетъ безконечно большею способностію ассоціровать въ своемъ умѣ самыя разнообразныя звуки и представленія. Этимъ онъ обязанъ, конечно, высокому развитію своихъ умственныхъ способностей“. Но не умѣя сами говорить, собаки, напр., понимаютъ многія слова и предложенія. А охотничьи собаки способны разсуждать и безъ помощи рѣчи.

Много распространяется Дарвинъ о развитіи въ царствѣ животныхъ чувства красоты. „Конечно, говоритъ онъ, ни одно изъ животныхъ не способно восхищаться такими красотами, какъ ночное небо, прекрасный пейзажъ, или наслаждаться утонченной музыкой; но такіе развитые вкусы, зависящіе отъ цивилизаціи и сложныхъ представленій, столь же чужды дикарямъ и необразованнымъ людямъ“. „Судя по отвратительнымъ украшеніямъ и столь же отвратительной музыкѣ, которыми восхищается большинство дикарей, можно было бы сказать, что ихъ эстетическія попя-

тія развиты менѣе, чѣмъ у иныхъ низшихъ животныхъ, напр. птицъ“, (ibid. стр. 64).

Наконецъ, о происхожденіи и развитіи разнаго рода религиозныхъ вѣрованій Дарвинъ, хотя и утверждаетъ, что „религиозное чувство, состоящее изъ любви, полной покорности высшему и таинственному повелителю, изъ глубокаго сознанія зависимости, страха, уваженія, благодарности, надежды на будущее и, можетъ быть, изъ другихъ элементовъ“, свойственно только существу поднявшемуся до довольно значительной степени высоты въ умственномъ и нравственномъ развитіи, тѣмъ не менѣе онъ хочетъ видѣть нѣкоторое отдаленное сходство съ этимъ душевнымъ состояніемъ въ привязанности собаки къ своему хозяину, въ ея горячей любви, соединенной съ полной покорностію, нѣкоторой боязнію и, можетъ быть, нѣкоторыми другими чувствами (ibid. стр. 65—66).

Все это говорить за то, что душа человѣка и душа животныхъ не отличаются другъ отъ друга *качественно* (все, чѣмъ одарена первая, мы можемъ въ большей или меньшей степени найти и въ послѣдней). Логическій выводъ будетъ тотъ, что нѣтъ основаній выдѣлять человѣка изъ разряда животныхъ въ какой нибудь особый классъ, что по своему происхожденію онъ находится въ кровномъ родствѣ съ ними. Свое сочиненіе о происхожденіи человѣка Дарвинъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „я старался по мѣрѣ силъ доказать мою теорію, и, сколько мнѣ кажется, мы должны признать, что человѣкъ со всѣми его благородными качествами, сочувствіемъ, которое онъ распространяетъ не только на другихъ людей, но и на послѣднихъ изъ живущихъ существъ, съ его божественнымъ умомъ, который постигъ движеніе и устройство солнечной системы, словомъ со всѣми его высокими способностями,—все-таки носитъ (въ своемъ физическомъ строеніи) неизгладимую печать низкаго происхожденія“.

Самъ Дарвинъ относится къ этому открытію весьма добродушно: „Основное заключеніе, говоритъ онъ, къ которому приводитъ это сочиненіе, именно, происхожденіе человѣка отъ какой-нибудь низко организованной формы, покажется,—какъ я думаю съ сожалѣніемъ,—крайне непріятнымъ для многихъ особъ... Что до меня касается, я бы

скорѣе желалъ быть потомкомъ храброй маленькой обезьянки, которая не побоялась броситься на страшнаго врага, чтобы спасти жизнь сторожа; или отъ стараго повіана, который, спустившись съ горы, вынесъ съ триумфомъ молодого товарища изъ толпы удивленныхъ собакъ, чѣмъ быть потомкомъ дикаря, который наслаждается мученіями своихъ непріятелей, приноситъ кровавыя жертвы, убиваетъ своихъ дѣтей безъ всякихъ угрызений совѣсти, обращается съ своими женами какъ съ рабынями, не знаетъ никакого стыда и предается грубѣйшимъ суевѣріямъ“ (ibid. стр. 421).

И мы знаемъ, что на самого Дарвина его теорія не произвела какого либо деморализующаго вліянія. Возросшій и воспитанный въ строгихъ англійскихъ семейныхъ общественныхъ нравахъ, онъ до конца дней своихъ оставался высоко нравственнымъ и примѣрнымъ семьяниномъ и честнымъ гражданиномъ. Но то, что безъ вредныхъ послѣдствій осталось для Дарвина, имѣвшаго трезвый взглядъ на свою теорію, не можетъ остаться безразличнымъ для его неразумныхъ послѣдователей. Имѣя въ виду этихъ послѣднихъ, мы полагаемъ не лишнимъ прежде всего заняться вопросомъ о томъ, на сколько мысль о низведеніи человѣка въ разрядъ животныхъ можетъ питать нравственное чувство человѣка, — какъ она можетъ отражаться на его нравственномъ сознаніи?

II.

Высота нравственнаго сознанія человѣка прежде всего зависитъ отъ его самосознанія. Въ дѣлѣ своего нравственнаго самоусовершенствованія человѣкъ, по нашему мнѣнію, руководствуется прежде всего сознаніемъ того, кто онъ по своему существу? Разрѣшеніе этого вопроса естественно ведетъ его къ уясненію его правъ и привилегій, которыя въ свою очередь указываютъ ему и на его обязанности. Поэтому, чѣмъ лучшаго и высшаго мнѣнія о себѣ будетъ человѣческая личность, тѣмъ сильнѣе она будетъ стремиться воплотить и въ жизни своей этотъ идеаль собственнаго своего самосознанія. Идея не можетъ быть въ насъ чѣмъ-то покоящимся, пребывающимъ, заключеннымъ въ себѣ. Возникши въ нашемъ сознаніи, она, подобно зародышу во

чревѣ матери, начинатьъ роста и развиваться, и въ концѣ концовъ ей уже становится мало одной своей внутренней, утробной жизни, — она стремится на свѣтъ Божій и воплощается въ поступкѣ, или рядѣ поступковъ, т. е. во всей совокупности нравственной дѣятельности человѣка. И вотъ, какова будетъ мысль человѣка о себѣ, такова будетъ и его нравственная дѣятельность.

Но мысли человѣка возпикають, растутъ и развиваются подъ вліяніемъ окружающей его среды, изъ которой онѣ берутъ извѣстные соки и питаніе. Поэтому, чѣмъ чище и благороднѣе будетъ среда, тѣмъ возвышеннѣе будетъ и образъ мыслей человѣка, тѣмъ совершеннѣе будетъ и его нравственная дѣятельность: *сз преподобными — преподобенъ будещи...* Возьмемъ примѣръ изъ нашей обыденной жизни: поставьте, напр., образованную, интеллигентную личность въ такую среду, которая бы прежде всего съузила и сократила образъ ея мыслей, не давала пищи ея уму и сердцу — и увидите, что она, благодаря такой средѣ, умственно и нравственно умираетъ; напротивъ, низшая, животная природа въ ней пробуждается, оживаетъ, но, не сдерживаемая и не управляемая высшимъ контролемъ разума, получаетъ такой просторъ и свободу, что положительно плѣняетъ человѣка въ свое послушаніе и губить его не только духовно, но и тѣлесно. Не всегда, конечно, такъ бываетъ, но бываетъ, и бываетъ нерѣдко.

Обратимся теперь къ дарвинизму. Что даетъ онъ въ интересахъ развитія человѣческаго самосознанія? Поднимаетъ ли онъ нравственное самочувствіе человѣка, надѣляетъ ли онъ его какими либо особыми правами и преимуществами, которыя бы зажигали въ немъ внутренней огонь, пылающій ревностію къ нравственному самоусовершенствованію? Создастъ ли онъ наконецъ человѣку среду, которая бы возбуждала, оживляла, укрѣпляла и оплодотворяла его нравственное чувство? Въ дѣлѣ развитія самосознанія дарвинизмъ не только ничего не даетъ человѣку, но оказываетъ ему въ этомъ отношеніи очень плохую услугу. Чѣмъ больше изучаетъ человѣкъ самого себя, идя по слѣдамъ, указываемымъ ему дарвинизмомъ, тѣмъ больше онъ долженъ проникаться мыслию, что по существу своему онъ тоже — животное, что существеннымъ онъ ничѣмъ отъ него

не отличается, что видѣть въ различныхъ свойствахъ и способностяхъ человѣка — умственныхъ, нравственныхъ, эстетическихъ и даже религіозныхъ — какое либо особенное его преимущество есть предразсудокъ, что истинное пониманіе вещей напротивъ ведетъ къ признанію безразличія между человѣкомъ и животными и въ этомъ отношеніи, что наконецъ только благодаря какой-то слѣпой случайности и многовѣковой, въ большинствѣ случаевъ, особенно на первыхъ порахъ, кровавой борьбѣ человѣкъ возникъ изъ ничтожества и выплылъ онъ изъ воднаго океана на сушу, опередивъ своихъ водяныхъ родичей. Служить ли эта генеалогія возвышенію и облагороженію человѣческаго самосознанія? Нисколько. Что такое наше *я* по своему существу, спросилъ бы себя правовѣрный дарвинистъ? Такое же животное, которое вотъ лежитъ у моихъ ногъ, охраняя меня, но которое часто превосходитъ меня своею вѣрностію и дружбой. Но если мое *я* — тоже же животное, то какія же сравнительно съ нимъ будутъ мои права и преимущества? Право побѣдителя, право сильного? Но отъ подобныхъ преимуществъ усиленно отрекаться и самые завзятые дарвинисты. Права умственныхъ и нравственныхъ? Но вѣдь они должны необходимо вытекать и изъ особенныхъ преимуществъ ума и сердца, а они, какъ мы видѣли, по существу своему, одинаковы съ животными. Какія же вытекаютъ отсюда для сознанія человѣка его особенныя обязанности и нравственныя нормы? Опять никакихъ. Нѣтъ особенныхъ правъ, нѣтъ и особенныхъ обязанностей. Я, конечно, могу чувствовать извѣстныя обязанности и въ отношеніи къ себѣ самому и въ отношеніи къ своимъ ближнимъ; но эти обязанности на столько же для меня обязательны, на сколько обязательны обязанности для моего вѣрнаго пса въ отношеніи ко мнѣ. Такимъ образомъ, теорія Дарвина служить не въ интересахъ возвышенія и облагороженія человѣческаго самосознанія, но къ его пониженію; она не связываетъ человѣка какими либо нравственными обязанностями, напротивъ — развязываетъ и освобождаетъ его отъ нихъ, и не стѣсняемый ими, онъ, по чувству своего кровнаго родства съ низшими породами тварей, можетъ приложиться скотомъ безмысленнымъ и уподобиться имъ.

Но скажутъ: развѣ человѣкъ въ теченіи вѣковъ не вы-

работалъ извѣстныхъ нравственныхъ нормъ, которыхъ онъ обязанъ держаться и въ отношеніи къ себѣ и въ отношеніи къ своимъ ближнимъ? Но кто создалъ эти правила? Кто обязалъ ими человѣка? Онъ самъ. Но если такъ, то кто же воспрепятствуетъ ему и уничтожить эти правила такъ же, какъ онъ создалъ ихъ, и измыслить другія, болѣе удобныя для него въ настоящую минуту. И вотъ такимъ образомъ создается почва, благопріятная для появленія и развитія такихъ философій, какъ философія Ницше.

Но долгъ, совѣсть? скажутъ еще. Но то и другое есть, какъ извѣстно, нѣчто формальное; реальное же содержаніе этихъ факторовъ нравственнаго поведенія можетъ быть различно до противоположности.

Если, далѣе, мы обратимъ вниманіе на *способъ, какъ*, по теоріи Дарвина, человѣкъ произошлъ *въ люди*, то и съ этой стороны мы увидимъ, что человѣческая личность не найдеть въ ней побужденій къ своему нравственному развитію и самоусовершенствованію. Безчисленные миллиарды существъ, на самой низшей ступени нравственнаго развитія тварнаго міра, вмѣстѣ съ будущимъ человѣкомъ, находились среди одинаковыхъ условій своего внѣшняго существованія и были подъ властію тѣхъ же самыхъ космическихъ силъ и законовъ природы,—почему, именно, человѣку посчастливилось возникнуть изъ своего ничтожества среди своихъ собратьевъ по ничтожеству и достигнуть столь царственной высоты, неизмѣримо превосносящей его надъ всѣмъ окружающимъ его міромъ? Да именно потому, что ему посчастливилось,—въ этомъ словѣ заключается полное разрѣшеніе поставленнаго нами вопроса. *Случай* вывелъ человѣка въ люди. Случайно удалось ему приспособиться лучше остальныхъ своихъ сверстниковъ къ окружающимъ условіямъ, что повело къ счастливому измѣненію его внѣшней и внутренней организаціи; а это, въ свою очередь, дало ему перевѣсъ надъ своими собратьями въ борьбѣ за существованіе. То, что содѣйствовало ему въ побѣдѣ надъ неблагопріятными для него жизненными условіями, это постепенно въ теченіи милліоновъ вѣковъ увеличивалось въ немъ естественнымъ подборомъ и закрѣплялось закономъ наслѣдственности. Случай и космическіе законы совершенно механическаго характера, — вотъ факторы, за-

правлявшіе развитіемъ физической и духовной природы человѣка. Могутъ ли они давать пищу нравственному сознанію человѣка? Могутъ ли они создать въ немъ побужденія къ нравственному его развитію и усовершенствованію? Нѣтъ. Мы всѣ знаемъ, какъ слѣпъ и прихотливъ по природѣ своей случай: онъ можетъ возвышать, можетъ и унижать; можетъ увѣнчать, но также и развѣнчать. И если случай оказался отцемъ-благодѣтелемъ человѣка, неизвѣстно почему излившимъ на него потокъ своихъ необычайныхъ милостей и щедротъ, то онъ же можетъ явиться для него и злымъ геніемъ - мстителемъ, доводящимъ его до конечной гибели. Нѣтъ ничего устойчиваго въ мірѣ, пока царитъ случай. Всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя человѣкомъ путемъ кровавой борьбы и напряженныхъ усилій, всѣ завоеванія разума, всѣ плоды его культуры и цивилизаціи, — все это можетъ моментально погибнуть, если это угодно будетъ случаю. Къ чему же тогда эти кровавыя усилія, которыя понадобились для пріобрѣтенія всего этого культурнаго богатства? Не лучше ли, какъ говорится, сидѣть сложа руки у моря и ждать погоды? Или не благоразумнѣе ли будетъ — пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы взять отъ жизни все, что есть у тебя въ данный моментъ подъ рукою, всегда памятуя, что завтра всего этого у тебя можетъ и не быть? Понятно, что подобный образъ мыслей въ одномъ случаѣ ведетъ къ нравственному индифферентизму и квіетизму, съ другой — къ эпикуреизму, хотя бы послѣдній носилъ такой же облагороженный характеръ, какъ эпикуреизмъ Петронія.

Не такую пищу нашему нравственному сознанію даетъ христіанское міровоззрѣніе. Оно внушаетъ намъ вѣру, что Творецъ неба и земли особеннымъ движеніемъ Своей всеблагой воли выдѣлилъ человѣка изъ всѣхъ прочихъ тварей. Онъ создалъ его по Своему образу и подобию, даруя ему душу, которая есть часть Его божественнаго существа и потому является отраженіемъ безконечныхъ совершенствъ своего Создателя. Такъ побуждаетъ насъ вѣрять христіанское ученіе относительно образа происхожденія человѣка. И мы думаемъ, что такая вѣра и лучше объясняетъ прошлую исторію человѣка и даетъ его сознанію несравненно больше побужденій къ его нравственному развитію и усо-

вершенствованію. Какъ растеніе стремится къ свѣту, такъ и душа человѣка стремится въ своемъ развитіи къ подобному себѣ. Чѣмъ больше изучаетъ себя человѣкъ на почвѣ вѣры, внушаемой ему христіанствомъ, тѣмъ къ большому сознанию приходитъ онъ о своей божественной сущности и тѣмъ болѣе вытекаетъ отсюда для него нравственныхъ побужденій выдѣлять себя своимъ образомъ жизни изъ всего окружающаго и стараться быть подобнымъ тому, чей образъ и подобіе онъ въ себѣ носить. Вы есте храмъ Божій и Духъ Божій живетъ въ васъ; будьте совершенны, какъ и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть. Вотъ чему учитъ насъ христіанское ученіе, вотъ какой нравственный идеалъ рисуетъ оно человѣческому сознанию. Оно вполне достаточно разрѣшаетъ намъ недоумѣнные вопросы, которые въ дарвинизмѣ остаются или неразрѣшенными, или разрѣшенными очень неудовлетворительно. Исторія тѣлеснаго и духовнаго развитія человѣка является не игрою слѣпаго случая, но получаетъ свое глубокое основаніе и разъясненіе въ особенныхъ, богоподобныхъ свойствахъ человѣческой души, инстинктивно стремящейся къ своему Прототипу. Тутъ уже нѣтъ мѣста нравственному индифферентизму, такъ какъ человѣку даны особыя права и преимущества, превозносящія его надъ всѣмъ земнороднымъ и обязывающія его не ронять свое достоинство, унобясь скотомъ несмысленнымъ, но постепенно, все болѣе и болѣе, путемъ усилій и борьбы и съ своею собственною окружающею его косою природою, достигать таящагося въ глубинахъ его души нравственнаго идеала.

Нѣтъ здѣсь мѣста и для такого образа мыслей, который располагаетъ человѣка пользоваться случаемъ и брать отъ жизни все, что дозволяетъ ему настоящая минута. Творецъ не оставляетъ человѣка на произволъ космическихъ силъ, но и весь космосъ и въ особенности судьба человѣка подлежатъ попеченію мудраго, всеблагаго Промысла, направляющаго все къ добрымъ цѣлямъ, которыя своею совокупностію составляютъ въ нравственномъ мірѣ особое царство. Со стороны человѣка было бы роковою ошибкою, доставляя себѣ минутное наслажденіе, явиться нарушителемъ гармоніи этого царства и противникомъ установленнаго въ немъ нравственнаго порядка, такъ какъ, по ду-

ховной природѣ своей, онъ есть гражданинъ этого царства и, какъ таковой, обязанъ поддерживать существующій здѣсь нравственный порядокъ. Вотъ къ какому высокому образу мыслей располагаетъ человѣка христіанское ученіе, и какъ не похоже все это на то, что мы видѣли въ дарвинизмѣ съ его генеалогіей человѣка, низводящей послѣдняго до безразличія съ самыми низкими народами животныхъ, съ его исторіей тѣлеснаго и духовнаго развитія человѣка, всецѣло подчиненнаго, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, слѣпымъ космическимъ силамъ природы. То, что въ этой исторіи по теоріи дарвинизма, остается загадкою, или получаетъ рѣшеніе, совершенно не мѣряющееся съ требованіями разума, въ христіанствѣ получаетъ полное и ясное разрѣшеніе. Не случайно человѣкъ произошелъ въ люди, но потому, что самое существо его природы отмѣчено печатью особаго творческаго акта, который оставилъ внутри его искру божественнаго огня, зажигавашаго въ немъ всѣ лучшія стороны его богоподобной природы и побуждавашаго его стремиться къ своему первоисточнику, къ Отцу свѣтовъ.

III.

Не легко было человѣку, по теоріи Дарвина, пріобрѣсти перевѣсъ надъ всѣмъ окружающимъ его міромъ. Путь восхожденія по лѣстницѣ умственнаго и нравственнаго прогресса не усыпанъ розами: жестокою кровавою борьбу онъ долженъ быть выдержать и съ окружающими неблагоприятными условіями жизни и съ своими кровными братьями и родичами, каждый изъ которыхъ также наравнѣ съ нимъ продѣвлялъ и оспаривалъ у него право на существованіе. Подобно прочимъ органическимъ существамъ человѣкъ надѣленъ способностію размножаться въ такой прогрессіи, что человѣческихъ существъ родится въ нѣсколько разъ больше того, чѣмъ располагаетъ экономія природы. На клочекъ земли, достаточный только для одного, является множество претендентовъ, изъ которыхъ каждый стремится вырвать его изъ рукъ всѣхъ прочихъ своихъ соперниковъ. Между послѣдними возникаетъ упорная, непрестанная, ожесточенная, кровавая борьба, при чемъ побѣдителемъ является тотъ, кто въ самомъ себѣ хотя въ самой ничтожной дозѣ

заключаетъ какое либо преимущество предъ прочими. Въ природѣ, такимъ образомъ, происходитъ постоянный *выборъ* лучшихъ и совершеннѣйшихъ особей, которыя право на свое существованіе завоевали тѣмъ, что имѣютъ въ себѣ самихъ полезныхъ свойствъ болѣе, чѣмъ другія. Благодаря этимъ свойствамъ, онѣ лучше другихъ прилаживаются къ существующимъ условіямъ жизни и оставляютъ за собой своихъ соперниковъ. Такъ постепенно нарастаетъ богатство полезныхъ свойствъ въ извѣстномъ классѣ особей, которое путемъ *наслѣдственности* закрѣпляется и передается слѣдующимъ поколѣніямъ. Вотъ общіе законы, заправляющіе, по теоріи Дарвина, развитіемъ органической природы вообще и въ частности человѣка. У Дарвина они носятъ названія извѣстныхъ законовъ: *борьбы за существованіе, естественнаго подбора и наслѣдственности*.

Остановимъ свое вниманіе на первыхъ двухъ главныхъ законахъ и посмотримъ, являются ли они дѣйствительно двигателями нравственнаго прогресса. Начнемъ съ *естественнаго подбора*.

Съ точки зрѣнія теоріи Дарвина, открытый имъ законъ естественнаго подбора долженъ бы дѣйствовать неукоснительно, неумолимо; его дѣйствія всегда должны бы были сопровождаться извѣстными опредѣленными результатами; въ борьбѣ за существованіе долженъ бы былъ одерживать верхъ *наилучшій* и въ физическомъ, и въ умственномъ, и нравственномъ отношеніяхъ.

Но на самомъ дѣлѣ есть факты, приводимые со словъ другихъ самимъ же Дарвиномъ и не опровергаемые имъ, которые говорятъ противъ этой теоріи. Такъ, нѣкоторые ученые (Грегъ и Гольтонъ) обратили вниманіе на тотъ фактъ, замѣчаемый въ цивилизованныхъ странахъ, что наиболѣе бѣдные и безпечные, часто зараженные пороками, люди почти всегда женятся рано, тогда какъ люди расчетливые и умѣренные, отличающіеся обыкновенно безукоризненною нравственностію, женятся поздно, чтобы имѣть возможность жить самимъ и содержать семью въ довольствѣ.... Такимъ образомъ, безнечные, безнравственные и часто порочные члены общества размножаются быстрѣе, чѣмъ осмотритель-

ные и вообще добродѣтельные члены его. Или, по выраженію м-ра Грегга: беззаботные, лѣнныя, непредприимчивые, не стремящіеся ни къ чему ирландцы, размножаются какъ кролики, тогда какъ воздержные, осмотрительные, уважающіе себя честолюбивые шотландцы, которые строго нравственны, религіозны и обладаютъ здоровымъ и дисциплинированнымъ умомъ, проводятъ лучшіе годы въ борьбѣ и безбрачій, жепятся поздно и оставляютъ послѣ себя мало дѣтей. Если представить себѣ страну, заселенную первоначально тысячею саксовъ и тысячею кельтовъ, то послѣ двѣнадцати поколѣній пять шестыхъ населенія будутъ кельты.... Въ вѣчной борьбѣ за существованіе численный перевѣсъ будетъ на сторонѣ низшей и менѣе одаренной расы и преобладаніе это будетъ обусловлено не добродѣтелями и хорошими качествами, а напротивъ — недостатками“ (ibid. стр. 97). Итакъ, есть факты, которые прямо говорятъ, что, вопреки естественному подбору, худшіе люди вытѣсняють лучшихъ, благодаря только своему численному превосходству. И у самого Дарвина въ одномъ мѣстѣ проскальзываетъ такое признаніе: „Весьма сомнительно, чтобы потомки людей добрыхъ и самоотверженныхъ, или особенно преданныхъ своимъ товарищамъ, были многочисленнѣе потомковъ себялюбивыхъ и предательскихъ членовъ того же племени. Тотъ, кто готовъ скорѣе пожертвовать жизнію, чѣмъ выдать своихъ товарищей, чему извѣстно столько примѣровъ между дикарями, часто не оставляетъ потомковъ, которые могли бы наслѣдовать его благородную природу. Наиболѣе храбрые люди, идущіе всегда впереди на войнѣ и добровольно рискующіе жизнію для другихъ, должны вообще гибнуть въ большемъ числѣ, чѣмъ другіе. Поэтому *едвали окажется впроятнымъ...., чтобы число людей, одаренныхъ такими благородными качествами, или уровень ихъ развитія могли возрасти путемъ естественнаго подбора, т. е. переживаніемъ наиболѣе способныхъ* (курсивъ нашъ). Въ концѣ выходитъ, что Дарвинъ въ данномъ случаѣ вторитъ общему убѣжденію, сложившемуся, конечно, на основаніи показаній ежедневнаго опыта, что добрые люди вообще недолговѣчны, что они не выдерживаютъ борьбы за свое существованіе и поле битвы оставляють людямъ, въ нравственномъ отношеніи весьма сомни-

тельными. „Добрые люди Богу нужны“, говоритъ нашъ народъ, не умѣя иначе объяснить этого, повидимому, аномальнаго явленія. Но вѣра нашего народа такъ или иначе все таки умѣетъ объяснить это, тогда какъ съ точки зрѣнія Дарвина и его теоріи естественнаго подбора этотъ фактъ остается необъяснимымъ.

Не менѣе сомнительно значеніе и другаго закона, представляемаго Дарвиномъ въ качествѣ фактора въ исторіи развитія человѣчества—*закона борьбы за существованіе*. Какъ мы видѣли, ходъ развитія человѣчества совершается слѣдующимъ образомъ: въ основѣ всего этого развитія лежитъ фактъ чрезвычайно быстрого размноженія человѣка, въ нѣсколько разъ превышающаго тѣ средства, которыми располагаетъ природа для его пропитанія. Результатомъ такого размноженія является борьба за существованіе. „Не возможно не сожалѣть горькимъ образомъ (но разумно, или нѣтъ,—это другой вопросъ) въ той пропорціи, въ которой размножается человѣкъ“, говоритъ Дарвинъ (стр. 100)... Человѣкъ страдаетъ отъ тѣхъ же виѣшнихъ вліяній, какъ и другія животныя, и потому онъ не имѣлъ права ожидать пощады отъ пагубныхъ послѣдствій борьбы за существованіе.... Тѣмъ не менѣе, говоритъ онъ, можно сомнѣваться въ томъ, была ли бы достигнута цѣль постепеннаго усовершенствованія, при помощи наиболѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, если бы наростаніе населенія не шло быстро, и слѣдовательно и борьба за существованіе не была жестока до послѣдней крайности“ (стр. 101)... Если человѣку „суждено подвигаться еще далѣе впередъ, то ему необходимо оставаться подъ вліяніемъ жестокой борьбы. Иначе онъ быстро впадаетъ въ бездѣйствіе, и наиболѣе одаренные люди не получаютъ большаго успѣха въ битвѣ жизни, чѣмъ менѣе одаренные. Отсюда естественная быстрота, съ которой человѣкъ размножается, не смотря на то, что она ведетъ къ разнородному и очевидному злу, не должна быть значительно уменьшаема какими бы то ни было способами. Для человѣка должна существовать открытая конкуренція, и законъ и обычаи не должны мѣшать наиболѣе способнымъ имѣть рѣшительный успѣхъ въ жизни и оставять наибольш-

шее число потомковъ“ (ibid. стр. 420). Итакъ, по мнѣнію Дарвина, безъ борьбы за существованіе, человѣчество впало бы въ бездѣятельность и остановилось бы въ своемъ развитіи.

Но такъ ли это? Не отрицая огромнаго вліянія закона борьбы за существованіе на ходъ умственнаго развитія человѣчества, мы тѣмъ не менѣе не можемъ усвоить ему того значенія, какое желаетъ давать ему Дарвинъ: относительно и этого закона мы должны сдѣлать значительныя оговорки и ограниченія. Прежде всего, — что говоритъ намъ исторія? Она свидѣтельствуетъ, что человѣчество все болѣе и болѣе прогрессируетъ по части своего размноженія и, по закону Дарвина, борьба за существованіе должна бы становиться все болѣе жестокою, кровавою и ужасною, а между тѣмъ мы видимъ совсѣмъ обратное: съ развитіемъ культуры человѣкъ постепенно, все болѣе и болѣе оставляетъ свои кровожадные инстинкты и все болѣе проникается гуманными началами. Войны становятся не такъ часты, какъ прежде; спорные международные вопросы стараются разрѣшить не мечемъ и ружьемъ, а на почвѣ мирныхъ договоровъ и соглашеній. А въ концѣ концовъ друзья человѣчества уже мечтаютъ о всеобщемъ разоруженіи и наступленіи золотого вѣка, когда всякія недоразумѣнія между націями будутъ разрѣшаться третейскимъ судомъ. И такъ, борьба за существованіе постепенно уграчиваетъ свою силу; но впадаетъ ли вслѣдствіе этого человѣчество въ апатію, бездѣятельность? Прекращается ли ходъ его развитія? Громадные успѣхи, сдѣланные человѣкомъ въ области наукъ, искусствъ и вообще культурной жизни, говорятъ о противномъ. И мы смѣло можемъ утверждать, что этими успѣхами человѣкъ главнымъ образомъ обязанъ не усиленію, а ослабленію борьбы за существованіе, такъ какъ, не расходуя своихъ силъ на одолѣніе враговъ и супостатовъ, онъ получаетъ возможность употребить ихъ на мирныя занятія, на разработку наукъ, искусствъ и т. под. Наоборотъ — науки и искусства перестаютъ процвѣтать, нравы народа грубѣютъ и все духовное его развитіе понижается, какъ скоро на его долю выпадаетъ несчастіе — подпасть вліянію борьбы за существованіе, тратить время и свои способности на одержаніе побѣдъ надъ своими врагами.

По поводу подобныхъ разсужденій защитники дарвинизма обыкновенно возражаютъ, что мы слишкомъ грубо представляемъ себѣ борьбу за существованіе, будто она ведется только когтями, зубами, кулаками и другими смертоубійственными приспособленіями съ единственною цѣлью уничтожить съ корнемъ, сокрушить противника, будто Дарвинъ такимъ образомъ освящаетъ принципъ грубой силы и узаконяетъ насиліе, будто по его теоріи тотъ только и правъ и имѣетъ право на существованіе, у кого крѣпкіе зубы, острые когти и сильные кулаки, и будто такому только благопріятствуетъ естественный подборъ, природа. Нѣтъ, дарвинисты представляютъ дѣло въ нѣсколько иномъ видѣ. Побѣда принадлежитъ сильному, но въ этомъ нѣтъ ничего оскорбительнаго для нравственнаго чувства. „Сильный всегда побѣждаетъ слабого: такъ всегда было и будетъ, такъ и должно быть. Законы механики не могутъ извратиться. Безнравственно не то, что заключается въ этихъ словахъ, а то, чего въ нихъ нѣтъ, что совсѣмъ произвольно въ нихъ подразумѣваютъ. Подъ побѣдой силы всегда подразумѣваютъ побѣду матеріальной, *грубой* силы; но пусть укажутъ мнѣ, говоритъ одинъ изъ нашихъ отечественныхъ заступниковъ Дарвина, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ своей книги Дарвинъ утверждалъ, что торжество всегда должно быть на сторонѣ грубой силы, а я пока попытаюсь показать обратное, что именно дарвинистъ этого и не можетъ утверждать. Утверждать, что побѣда всегда на сторонѣ грубой силы, можетъ наивный наблюдатель ежедневной дѣйствительности; можетъ, пожалуй, близорукій историкъ, ограничивающій свой взглядъ одною какою нибудь эпохой; но если уже историкъ, окидывающій взглядомъ болѣе широкій кругозоръ, не можетъ утверждать этого, не впадая въ противорѣчіе, то со стороны дарвиниста, обнимающаго въ одномъ общемъ взглядѣ и развитіе органическаго міра и развитіе человѣка, это было бы прямымъ абсурдомъ. Добавьте только, что побѣда всегда остается за *высшей* силой—и борьба потеряетъ въ вашихъ глазахъ весь свой безнравственный характеръ“. (Тимиразевъ. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. 1894 г. стр. 292—293)... А если такъ, если въ борьбѣ успѣхъ всегда остается на сторонѣ *высшей* силы,—стоитъ только выждать моментъ побѣды,—то не тому же ли насъ

учать и примѣры другой борьбы, которая въ жизни чело- вѣчества все болѣе и болѣе вытѣсняетъ животную борьбу, — борьбы, въ которой сталкиваются, падаютъ и торжествуютъ не люди, а идеи?

„Кто побѣдилъ въ великой распрѣ между наукой и авторитетомъ, свидѣтелемъ которой былъ XVII вѣкъ? На чьей сторонѣ была сила: на сторонѣ ли всемогущаго папства, или на сторонѣ дряхлаго старика Галилея? Отъ папства осталась только одна тѣнь, а земля вертится. Отъ всемогущей инквизиціи, когда-то властною рукою очертившей кругъ, за который не смѣла отважиться человѣческая мысль, отъ этой инквизиціи осталось только имя, а перстъ Галилея, какъ святыня, хранящійся въ его флорентійской трибунѣ, и теперь еще указываетъ наукѣ путь впередъ, ведетъ ее отъ завоеванія къ завоеванію. Кто же побѣдилъ?... Да, въ борьбѣ за идеи побѣда всегда останется на сторонѣ силы, — той силы, которая одна не знаетъ себѣ въ мірѣ равной, — силы истины“ (тамъ же, стр. 193—195).

Преклоняемся предъ одушевленною рѣчью нашего ученаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ позволимъ себѣ заявить, что въ ней чувствуется намъ не то, что какая-то фальшь (мы далеки отъ такого толкованія и воли въѣримъ искренности автора), а какое-то недоразумѣніе, происходящее, по нашему мнѣнію, отъ нѣкотораго смѣшенія понятій, заключающихся въ словѣ *сила*. Прежде всего замѣтимъ, что самъ Дарвинъ едва ли склоненъ былъ понимать борьбу за существованіе въ указанномъ выше деликатномъ, облагороженномъ смыслѣ; на счетъ ея онъ выражается настолько сильно, ясно и опредѣленно, что, кажется, исключаетъ всякіе комментаріи: усовершенствованіе чело вѣчества едва ли было бы достигнуто „при помощи наиболѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, если бы наростаніе населенія не шло быстро, а слѣдовательно и борьба за существованіе *не была бы жестока до послѣдней крайности*“ (курсивъ нашъ). Подобнымъ же образомъ выражается Дарвинъ и въ другихъ мѣстахъ. Кажется, такія выраженія не даютъ никакого повода понимать борьбу за существованіе въ какомъ либо облагороженномъ смыслѣ. Да и по существу дѣла, по смыслу самой теоріи борьбы за существованіе, послѣдняя можетъ быть понимаема только въ самомъ основномъ, коренномъ, не переносномъ

ея значеніи. Борьба является вслѣдствіе размноженія чело-вѣческаго рода, размноженія чрезмѣрнаго сравнительно съ средствами, какими обладаетъ земная площадь. Чтобы завоевать себѣ мѣсто на этой площади, остаться въ живыхъ и не умереть голодною смертію, пужно вытѣснить всѣхъ, кто мѣшаетъ моему существованію, вырвать корку хлѣба изъ рукъ другого и тѣмъ обезпечить свое существованіе на жизнь, отнявши это право у другого. И какими бы деликатными средствами ни достигалась эта цѣль, сущность борьбы за существованіе не измѣнится: она будетъ имѣть исключительно разрушительный характеръ, — это — сила разрушающая, но не созидаящая. Заповѣдь: *не убій* можетъ быть нарушена и по способу Каина, и разнаго рода утонченными способами, по самымъ новѣйшимъ правиламъ современной науки, даже однимъ словомъ, но отъ этого сущность дѣла не измѣнится: кровь ближняго одинаково будетъ вопіять къ небу въ томъ и другомъ случаяхъ, хотя въ первомъ убійство будетъ результатомъ дѣйствія *низшей*, грубой силы, а во второмъ — *высшей* силы чело-вѣческаго духа, заключающейся въ неисчерпаемомъ богатствѣ его разсудочной способности. Значитъ, высшая ли сила обнаружится въ законѣ борьбы за существованіе, или низшая, — она (т. е. борьба) одинаково будетъ имѣть своимъ результатомъ побѣду однихъ и гибель другихъ, одинаково будетъ проявленіемъ чело-вѣческаго эгоизма. Поэтому-то приведенный выше примѣръ Галилея не можетъ идти въ доказательство того, что борьба за существованіе можетъ принимать какой либо благородный, возвышенный характеръ: въ этой одеждѣ она является никогда не можетъ: она ей не къ лицу. Борьба за существованіе всегда носитъ корыстный характеръ; Галилеемъ же двигало полюбѣйшее безкорыстіе одушевленное одною только беззавѣтною любовію къ истиннѣ. Онъ стремился не къ уничтоженію, или нанесенію вреда своимъ ближнимъ, но къ просвѣщенію ихъ свѣтомъ своей истины, въ которую онъ вѣровалъ. Онъ не хотѣлъ *отнять*, но желалъ *дать*; имъ управлялъ не эгоизмъ, но безкорыстная любовь, — и вотъ въ этой то послѣдней и заключалась его сила и условіе его побѣды. Еще болѣе поразительный примѣръ этой силы мы видимъ въ первыхъ одушевленныхъ носителяхъ и провозвѣстникахъ христіанской идеи, изъ ко-

торыхъ одинъ такъ прекрасно охарактеризовалъ побѣдоносную дѣятельность своихъ собратій: *эта есть побѣда, побѣдившая міръ,—вѣра ваша*. Какъ видите, и здѣсь также есть *борьба*, но только совсѣмъ другого рода, — борьба, рассчитанная не на гибель ближняго, но на его охраненіе и спасеніе. Для объясненія этого рода борьбы, совсѣмъ отличной отъ дарвиновской борьбы за существованіе мы должны предположить существованіе въ человѣкѣ иного начала, противоположнаго эгоизму, начала *любви*. И мы смѣло можемъ утверждать, что не только нравственный, но и вообще прогрессъ не можетъ быть результатомъ одной борьбы за существованіе: человѣчество давно истерзало, изгрызло бы само себя, еслибы въ своихъ дѣйствіяхъ руководилось единственно только началами этой борьбы; послѣдняя, повторяемъ, есть сила разрушительная, но не созидательная, и подъ ея вліяніемъ развитіе психическихъ способностей человѣка можетъ принимать направленіе, клонящееся на пагубу ближняго, а не на поддержаніе и улучшеніе его существованія, — что именно и служитъ основаніемъ соціального и нравственнаго прогресса. Даже Гёксли, ярый дарвинистъ, въ своей рѣчи: „Эволюція и этика“, въ отвѣтъ на мнѣніе, что борьба за существованіе, давшая такіе поразительные результаты въ процессѣ космическомъ, можетъ оказаться одинаково благотворной и въ сферѣ этической, съ рѣшительностію утверждаетъ, что „космическій процессъ не имѣетъ никакого отношенія къ нравственнымъ принципамъ“, что „подражая этому процессу, человѣкъ приходитъ только въ разладъ съ основными требованіями этики“. „Поймемъ разъ навсегда, говоритъ онъ, что этический прогрессъ общества зависитъ не отъ подражанія космическому прогрессу, еще менѣе отъ уклоненія отъ него а отъ борьбы съ нимъ. Можетъ показаться черезъ-чуръ смѣлымъ это приглашеніе микрокосма вступить въ борьбу съ макрокосмомъ, это приглашеніе человѣка подчинить природу своимъ высшимъ идеаламъ. Но смѣю думать, что главное интеллектуальное преимущество нашего времени предъ древностію... лежитъ именно въ пріобрѣтенной нами прочной надеждѣ, что подобная попытка не была бы вполнѣ безумной“ (Р. М. 93 г. № 9 стр. 127). „Законы и нравственныя правила, говоритъ онъ въ той же рѣчи, направ-

лены къ тому, чтобы побороть этотъ космическій процессъ и постоянно напоминать отдѣльному человѣку объ его обязанностяхъ по отношенію къ обществу, которое своей защитой и благотворнымъ вліяніемъ, если не прямо даруетъ ему жизнь, то во всякомъ случаѣ дѣлаетъ ее чѣмъ-то болѣе цѣннымъ, чѣмъ полуживотное состояніе дикаря“.

Итакъ, если космическій и этический прогрессъ вступаетъ между собою въ борьбу, то это значитъ, что тотъ и другой происходятъ подъ вліяніемъ различныхъ силъ, и природа этихъ силъ должна быть на столько не одинакова, что между ними не можетъ быть никакого примиренія, и одна изъ другой происходитъ не могутъ, какъ готовы признать это Дарвинъ и его послѣдователи. И нравственный прогрессъ будетъ зависѣть отъ постепеннаго укрощенія гнѣздящагося въ человѣкѣ звѣря съ его кровожадными инстинктами, укоренившимися въ немъ силою борьбы за существованіе: послѣдняя, такимъ образомъ, есть врагъ нравственнаго прогресса, а не союзникъ его.

Да и самъ Дарвинъ въ противорѣчіе своей теоріи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги признаетъ, что законъ борьбы за существованіе не достаточенъ для того, чтобы имъ объяснить возникновеніе высшихъ и благороднѣйшихъ сторонъ человѣческаго духа. „Какъ ни важна борьба за существованіе, говоритъ онъ, тѣмъ не менѣе въ вопросахъ, касающихся высшихъ сторонъ человѣческой природы, мы находимъ другія вліянія, еще болѣе важныя. Въ самомъ дѣлѣ, нравственныя качества развиваются прямо или косвенно гораздо болѣе подъ вліяніемъ привычки, разсуждающей способности, образованія, религіи и т. под., чѣмъ путемъ естественнаго подбора“. Еще опредѣленнѣе Дарвинъ высказывается въ другомъ мѣстѣ по поводу нравственнаго чувства—любви ко врагамъ: „платить за зло добромъ и любить врага—правила столь высокой морали, что можно сомнѣваться, привело ли бы насъ къ нимъ развитіе социальнаго инстинкта, предоставленное своему естественному теченію. Необходимо, чтобы инстинктъ этотъ вмѣстѣ съ чувствомъ симпатіи подвергся сильному воздѣйствію со стороны разума, образованія, любви и страха Божія, прежде чѣмъ человѣкъ созналъ это золотое правило и сталъ ему слѣдовать“ (78).

Мы вполнѣ присоединяемся къ послѣднимъ заявленіямъ Дарвина, такъ какъ мы и ранѣе говорили, что въ человѣкѣ есть особаго рода, отличная отъ всего матеріальнаго, сила божественнаго огня, освѣщающая его волевыя, умственные и чувствующія способности и помогающая ему выдѣлиться изъ общаго космическаго бытія, опередить въ своемъ развитіи всѣхъ тварей матеріальнаго міра и занять господствующее положеніе.

Такимъ образомъ, не вырывается ли признаніе у самого Дарвина, что нравственный прогрессъ обусловливается не закономъ борьбы за существованіе и естественнымъ подборомъ, а другого рода дѣятелями, по характеру своему совершенно отличными отъ указанныхъ законовъ,—съ чѣмъ мы можемъ вполнѣ согласиться.

IV.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть болѣе подробно вопросъ о происхожденіи нравственныхъ чувствъ по теоріи Дарвина и выяснить самый характеръ ихъ.

По представленію Дарвина, въ основаніи развитія нравственныхъ чувствъ лежатъ общественныя инстинкты, которые въ свою очередь проистекаютъ отъ расширенія родительской или дѣтской любви. Что же касается источника этой послѣдней, то всѣ наши умозрѣнія на этотъ счетъ будутъ бесполезны: „мы можемъ только принять, говоритъ Дарвинъ, что эти чувства развились въ значительной степени путемъ естественнаго подбора“ (стр. 73). А такъ какъ общественныя инстинкты свойственны и животнымъ, то это, какъ само собою понятно, дастъ возожность Дарвину говорить и о нравственныхъ чувствахъ этихъ послѣднихъ. „Слѣдующее положеніе, говоритъ онъ, мнѣ кажется въ высокой степени вѣроятнымъ, что всякое животное, одаренное ясно выраженными общественными инстинктами, включая сюда и привязанность между родителями и дѣтьми, должно роковымъ образомъ приобрѣсти нравственное чувство или совѣсть, какъ только его умственные способности достигнутъ такого же, или почти такого же высокаго развитія, какъ у человѣка“ (стр. 67 — 68). Поэтому Дарвинъ говоритъ объ общительности животныхъ, ихъ готовности оказывать другъ другу помощь, ихъ взаимной привязан-

ности, о чувствахъ участія, состраданія, любви, вѣрности, самообладанія. Въ дальнѣйшемъ же развитіи, общежительными животными, стоящими на послѣднихъ ступеняхъ лѣстницы творенія, кромѣ общественныхъ инстинктовъ, руководить еще взаимная любовь и участіе, поддерживаемыя, повидимому, до нѣкоторой степени разумомъ (стр. 75). Относительно же собакъ Дарвинъ предполагаетъ, что они обладаютъ чѣмъ-то весьма похожимъ на совѣсть (стр. 71).

Тѣмъ не менѣе должно признать, что, по мнѣнію Дарвина, только одинъ человѣкъ въ собственномъ смыслѣ можетъ быть названъ нравственнымъ существомъ, хотя онъ и не обладаетъ какими либо особыми общественными инстинктами, которые бы указывали ему, какимъ образомъ помогать своимъ ближнимъ. Только по мѣрѣ усовершенствованія его умственныхъ способностей онъ будетъ руководствоваться въ своей дѣятельности разумомъ и опытомъ.

Далѣе, инстинктивная симпатія къ своимъ заставляетъ также человѣка высоко цѣнить одобреніе другихъ людей. Соглашаясь съ другимъ ученымъ—Беномъ,—Дарвинъ признаетъ, что любовь къ похвалѣ, честолюбіе и еще болѣе и сильный страхъ предъ презрѣніемъ и позоромъ „представляютъ результаты симпатіи къ своимъ. Слѣдоват., продолжаетъ Дарвинъ, человѣкъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ личнаго желанія, одобренія и порицанія общества (выраженныхъ въ дѣйствіяхъ и словахъ); и общественные инстинкты, которые, вѣроятно, были приобрѣтены человекомъ въ весьма грубомъ состояніи,—могутъ быть, его обезьянообразными родоначальниками, — остаются до сихъ поръ побудительной причиной его благороднѣйшихъ поступковъ. По мѣрѣ того однако, какъ чувства любви, симпатіи и умѣнья владѣть собой становятся сильнѣй подъ вліяніемъ привычки, и далѣе, по мѣрѣ того, какъ развивается разумъ и человѣкъ приобрѣтаетъ возможность вѣрнѣе цѣнить сужденія своихъ собратьевъ, онъ начинаетъ слѣдовать той или другой дорогѣ, независимо отъ наслажденія или страданія, чувствуемыхъ въ данную минуту. Онъ въ состояніи сказать (хотя я и не думаю, чтобы дикарь или варваръ могли помыслить такъ): я самъ верховный судья моихъ дѣйствій, или говоря словами Канта: „я не хочу въ самомъ себѣ унижать достоинство человѣка“ (стр. 75—76).

Высшіе подвиги самоотверженія и героизма, когда напр. взрослые люди и даже мальчики бросаются, не думая ни минуты, въ быстрый потокъ для спасенія утопающаго, наперекоръ инстинкту самосохраненія, представляютъ, по-видимому, скорѣе простой результатъ сильнаго развитія того же общественнаго или материнскаго инстинкта, чѣмъ слѣдствіе какихъ-либо другихъ побужденій и инстинктовъ.

Но наравнѣ съ общественными инстинктами въ человѣкѣ существуютъ еще инстинкты самосохраненія. Возникаетъ вопросъ,—почему человѣкъ сознаетъ, что онъ долженъ слѣдовать тому, а не другому инстинктивному желанію? Отчего же онъ горько сожалеетъ о томъ, что послѣдовалъ инстинкту самосохраненія и не рискнулъ жизнію для спасенія ближняго? Или, почему онъ кается, что подъ вліяніемъ сильнаго голода укралъ что нибудь для его утоленія (стр. 76)? На эти, поставленные самимъ Дарвиномъ вопросы, онъ резюмируетъ свои разсужденія по поводу ихъ слѣдующимъ образомъ: „Въ минуту дѣйствія человѣкъ склоненъ, конечно, слѣдовать болѣе сильному побужденію; и хотя это свойство ведетъ его иногда къ самымъ благороднымъ поступкамъ, но еще чаще заставляетъ его удовлетворять собственнымъ желаніямъ въ ущербъ другимъ людямъ. Когда же, послѣ ихъ удовлетворенія, прошлыя и болѣе слабыя впечатлѣнія станутъ лицомъ къ лицу съ постоянно присущими общественными инстинктами, и явится мысль, что скажутъ сограждане,—наказаніе послѣдуетъ неминуемо. Онъ будетъ чувствовать угрызеніе совѣсти, раскаяніе, сожалѣніе, или стыдъ; послѣднее чувство почти исключительно основано на страхѣ осужденія со стороны ближнихъ. Послѣдствіемъ будетъ то, что въ будущемъ онъ твердо рѣшится поступать иначе; а это и есть совѣсть, ибо совѣсть судитъ прошлое и руководитъ будущимъ“ (стр. 79).

„Далѣе, при помощи совѣсти человѣкъ путемъ долгой привычки пріобрѣтаетъ со временемъ такую власть надъ собою, что безъ всякой душевной борьбы способенъ жертвовать своими желаніями и страстями въ угоду общественной симпатіи, включая сюда чувства, относящіяся до мнѣнія другихъ. Человѣкъ, не смотря на голодъ и желаніе отстать, и не подумаетъ, чтобы украсть что-либо или удо-

влетворить своей мести.... Такимъ образомъ, человѣкъ приходитъ наконецъ къ убѣжденію, что для него выгоднѣе слѣдовать наиболѣе постояннымъ инстинктамъ. Повелительное слово *долженъ* выражаетъ, повидимому, только сознание того, что существуетъ извѣстное правило для поведения, — все равно, — каково бы ни было его происхождение“ (стр. 80).

Такъ какъ въ основѣ развитія нравственныхъ чувствъ, по теоріи Дарвина, лежатъ общественные инстинкты, то на основаніи этого естественно ожидать, что поступки должно считать дурными или хорошими, смотря по тому, на сколько они могутъ быть полезны или вредны обществу. „Никакое общество не ужилось бы вмѣстѣ, говоритъ Дарвинъ, если бы убійство, грабежъ, измѣна и т. далѣе были распространены между его членами; вотъ почему эти преступленія въ предѣлахъ своего племени клеймятся „вѣчнымъ позоромъ“, но не возбуждаютъ подобныхъ чувствъ за этими предѣлами“ (стр. 81). Съ другой стороны, „никто не могъ быть полезенъ своему племени безъ храбрости, и потому это качество цѣнилось во всемъ мірѣ чрезвычайно высоко. И хотя въ цивилизованной странѣ добрый, но робкій человѣкъ можетъ приносить обществу гораздо больше пользы, чѣмъ храбрый, мы не можемъ отдѣлаться отъ инстинктивнаго уваженія къ послѣднему и ставимъ его выше труса, какъ бы тотъ ни былъ добръ. Съ другой стороны, — осторожность, которая не имѣетъ большого значенія для блага общества, никогда не цѣпилась высоко, хотя можетъ быть весьма полезнымъ качествомъ. Такъ какъ, далѣе, человѣкъ не можетъ обладать добродѣтелями, необходимыми для блага племени, безъ самоотверженія, самообладанія и умѣнья терпѣть, то эти качества во всѣ времена цѣнились высоко и весьма справедливо. Американскій дикарь подвергается самымъ ужаснымъ мученіямъ, чтобы доказать и укрѣпить въ себѣ мужество и терпѣніе, и мы не можемъ не удивляться ему, точно также какъ и индусскому факиру, который вслѣдствіе ложнаго религіознаго убѣжденія виситъ на крючкѣ, вонзенномъ въ его тѣло“ (стр. 82—83). Цѣломудріе требуетъ также большого умѣнья владѣть собою; поэтому оно уже уважалось въ очень ранній періодъ нравственной исторіи цивилизованнаго человѣка.

Слѣдствіемъ этого явилось безсмысленное, по мнѣнію Дарвина, почитаніе безбрачія, которое съ самыхъ древнихъ временъ считалось добродѣтелью (83).

Сказаннаго, мы полагаемъ, достаточно, чтобы уяснить себѣ смыслъ и характеръ морали дарвинизма. Обратимся теперь къ ея оцѣнкѣ.

Нужно думать, что человѣкъ можетъ дѣлаться нравственно лучшимъ только въ томъ случаѣ, когда въ основѣ его дѣятельности лежатъ правила, требующія отъ него полнѣйшаго безкорыстія и имѣющія для него абсолютное значеніе, какъ требованія абсолютнаго существа. Находимъ ли мы что нибудь подобное въ теоріи Дарвина?

Какъ мы видѣли, въ возникновеніи и развитіи нравственныхъ чувствъ, по теоріи Дарвина, принимаютъ участіе главнымъ образомъ три дѣятеля: общественныя инстинкты, пронстекающій изъ нихъ страхъ предъ порицаніемъ и одобреніемъ другихъ и личныя желанія.

Но всѣ эти дѣятели заключаютъ въ себѣ эгоистическій элементъ и не могутъ произвести вполне безкорыстныхъ чувствъ.

Личныя желанія почти всегда носятъ корыстный характеръ и по своей прихотливости и измѣчивости никогда не могутъ быть прочною опорой нравственной дѣятельности человѣка.

Любовь къ похваламъ и страхъ предъ порицаніемъ своихъ ближнихъ сводится въ концѣ концовъ къ преклоненію предъ общественнымъ мнѣніемъ. Но всѣ мы по опыту знаемъ, какимъ измѣчивымъ характеромъ отличается это мнѣніе: нынѣ оно прославляетъ, завтра— тоже самое ругаетъ и поноситъ; нынѣ оно кричитъ: *осанна!*— завтра тому же самому неистово реветъ: *распи его!* И по истинѣ жалокъ человѣкъ, который, подобно флюгеру, вертится туда и сюда, смотря по тому, куда подуетъ вѣтеръ общественнаго мнѣнія. Хотя и говорятъ, что „гласъ народа—гласъ Божій, но, съ другой стороны, извѣстна и другая пословица: „народная молва, —что—морская волна“. Опасно для человѣка такую зыбкую почву класть въ основу своей нравственной дѣятельности.

Остается самый главный дѣятель, поставляемый Дарвиномъ во главу угла въ дѣлѣ образованія и развитія нравственныхъ чувствъ—общественные инстинкты. Изъ нихъ, какъ мы видѣли, происходятъ чувства симпатіи и антипатіи, къ нимъ возводятся всѣ добродѣтели, требуемыя условіями общественной жизни, они являются источникомъ подвиговъ самоотверженія и любви къ ближнему; кратко—они служатъ основаніемъ для развитія въ человѣкѣ такъ называемыхъ альтруистическихъ чувствъ. Но что такое сами по себѣ эти общественные инстинкты, и каковы, по своему внутреннему достоинству, происходящій изъ нихъ альтруизмъ?

Мы видѣли, что общественные инстинкты, по теоріи Дарвина, проистекаютъ отъ расширенія материнской или дѣтской любви; но откуда явилась эта послѣдняя—всѣ умозрѣнія на этотъ счетъ, по словамъ Дарвина, будутъ бесполезны; мы можемъ принять только, говорить онъ, что эти чувства развились въ значительной степени путемъ естественнаго подбора. Итакъ, въ концѣ концовъ все опять сводится къ естественному подбору. Припомнимъ опять, какова роль этого закона въ исторіи развитія организмовъ,—и мы поймемъ высоту дарвинистическихъ добродѣтелей, и качество того нравственнаго прогресса, какой сулитъ будущему теорія Дарвина. Уже самое названіе этого закона даетъ понять, что онъ что-то *отбираетъ*, и отбираетъ онъ лучшіе организмы, которые являются лучшими именно вслѣдствіе того, что тѣмъ или инымъ образомъ они приобрѣтаютъ особенности, дающія имъ возможность имѣть перевѣсъ въ жизненной борьбѣ. А чтобы достигнуть этой послѣдней цѣли, организму нужно умѣть прилаживаться, приспосабливаться къ жизненнымъ условіямъ. Поэтому, чѣмъ болѣе приспособленнымъ къ существующимъ условіямъ становится извѣстный организмъ, тѣмъ болѣе онъ окажется совершеннымъ. И въ приложеніи къ нравственной области лучшимъ также окажется тотъ, кто будетъ обладать бѣльшимъ количествомъ психическихъ особенностей, помогающихъ ему приспособляться къ даннымъ обстоятельствамъ. Стало быть, и материнская любовь, и общественные инстинкты, и возникающія отсюда чувства симпатіи, составляющія общую конву для развитія всякаго рода альтруистическихъ чувствъ, образовались, по смыслу теоріи Дарвина, потому, что помогли

человѣку въ борьбѣ за существованіе и оказались полезными ему въ отношеніи приспособленія его къ данной средѣ и одержанія побѣды надъ тѣми, кто не имѣлъ возможности приспособиться къ этой средѣ. Но все это создаетъ такую почву, которая не можетъ представить условій для дѣйствительнаго нравственнаго прогресса, такъ какъ въ основѣ всего этого лежитъ принципъ *пользы*, а не какая нибудь возвышенная идея, которая бы служила человѣку путеводной звѣздой въ дѣлѣ его нравственнаго самоусовершенствованія. Здѣсь не можетъ образоваться правилъ, требующихъ отъ человѣка полнѣйшаго безкорыстія и самоотреченія; напротивъ, Дарвинъ откровенно признаетъ, „что по мѣрѣ того какъ разсуждающая способность и предусмотрительность членовъ (общества) развивались, каждый изъ нихъ могъ легко убѣдиться изъ опыта, что, помогая другимъ, онъ обыкновенно получалъ помощь въ свою очередь. Изъ этого себялюбиваго побужденія онъ могъ приобрести привычку помогать своимъ ближнимъ; и привычка дѣлать добро, безъ сомнѣнія, должна была усилить чувство симпатіи, служащее первымъ толчкомъ къ добрымъ дѣламъ“ (стр. 92). Слѣдовательно, какой бы возвышенный характеръ не принимали добродѣтели, развившіяся на почвѣ дарвинизма, — все это будетъ ни что иное, какъ скрытый, утопченный, облагороженный эгоизмъ. Я могу отказаться отъ минутнаго удовольствія, но только для того, чтобы получить большее и продолжительное; можно пожертвовать своимъ собственнымъ благомъ, своими личными удовольствіями, чтобы получить свою долю въ общемъ благополучіи; можно рискнуть своимъ счастіемъ, чтобы видѣть его полное и богатое вознагражденіе въ счастіи и благополучіи общества. Подобные подвиги добродѣтели не особенно высокаго качества. Въ концѣ концовъ все сводится къ личному благополучію, все здѣсь окрашивается вождельніями нашего я. Поэтому служеніе обществу и его интересамъ, яко бы безкорыстное, соединенное съ разнаго рода самопожертвованіями, легко можетъ уживаться здѣсь со всякаго рода личными душевными нечистыми. Мало того, подъ прикрытіемъ жертвъ, во имя общаго блага, человѣкъ легко можетъ культивировать въ себѣ самыя разнообразныя плевелы, какіе только можетъ породить его самолюбивая мечта. А извѣстно, что то или другое настроеніе об-

щественныхъ единицъ создаетъ извѣстнаго рода общественную атмосферу въ свою очередь или дающую отдѣльнымъ личностямъ питательные соки, или отравляющую ихъ ядомъ. Изъ маленькихъ самолюбій создается общее своекорыстное направленіе общества, чуждое всякихъ благородныхъ, идеальныхъ порывовъ и ограничивающее свой умственный кругозоръ буржуазнымъ счастіемъ и довольствомъ, или просто удовлетвореніемъ минутныхъ дешевыхъ удовольствій и наслажденій.

Для нравственнаго прогресса нѣтъ здѣсь мѣста. Истинная добродѣтель ютится только въ чистомъ сердцѣ, свободномъ отъ всякія скверны плоти и духа, не загрязненномъ никакими своекорыстными не только дѣяніями, но даже мыслями и побужденіями. Только окрыленная святою любовію, которая, по слову апостола, долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслить зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ (1 Кор. 13, 4—7),—только, говоримъ мы, окрыленная подобною любовію душа можетъ выступить на арену общественнаго служенія, и плодъ этого служенія будетъ много. Чтобы быть истиннымъ общественнымъ дѣятелемъ, отъ человѣка требуется часто великое самоотверженіе, доходящее иногда до полного героизма. Ему приходится сталкиваться со множествомъ мелкихъ самолюбій, ничтожныхъ частныхъ интересовъ, закоренѣлыхъ предразсудковъ, которые въ своей совокупности, по своему ожесточенному сопротивленію, представляютъ собою нерѣдко непреступную твердыню, охраняемую нерѣдко и властію и богатствомъ. Чтобы пробить ее, отъ борца требуется неликая сила духа, настойчивость и неустрашимость. Только ясное сознаніе своего долга, твердая увѣренность и искренняя убѣжденность въ правотѣ своего дѣла могутъ поддержать энергію борца въ должной напряженности и безстрашно смотрѣть въ глаза встрѣтившейся на пути опасности, хотя бы послѣдняя явилась въ образѣ грозной власти, могущей однимъ движеніемъ перста стереть смѣльчака съ лица земли. Вспомнимъ апостоловъ, которые не убоались цѣлому синедриону сказать: *еще праведно есть насъ послушать паче, нежели*

Бога, судите. Да, любовь все терпитъ, все переноситъ, но въ то же время она никогда не дозволитъ себѣ уступкой неправдѣ осквернить то, что она считаетъ своей святыней. Толстовское: „не противься злу“ чуждо ей. И только въ лицѣ подобныхъ героевъ духа, горящихъ огнемъ безкорыстной любви къ своей идеѣ, и можетъ поддерживаться правда на землѣ, только они и могутъ расчищать путь къ ея торжеству и къ водворенію вообще царства Божія на землѣ.

Подобныхъ героевъ духа не можетъ создать мораль, построенная на началахъ дарвинизма. Вспомнимъ опять, кто является *лучшимъ* по закону естественнаго подбора, и въ чемъ собственно заключается внутреннее превосходство его предъ другими, упрочивающее ему побѣду въ жизненной борьбѣ? Тотъ, кто сумѣетъ лучше другихъ приладиться, приспособиться къ обстоятельствамъ, къ окружающей средѣ. Но какіе типы могутъ создаваться на такой почвѣ? Какіе герои могутъ вырасти не ней? Типы и герои очень намъ извѣстны. Яркимъ представителемъ ихъ является нашъ старый знакомый, Алексѣй Степановичъ Молчалникъ, съ такими принципами, завѣщанными ему отцомъ:

„Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятія—
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платье,
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собака дворника, чтобъ ласкова была“. (Горе отъ ума.
Дѣйств. IV. явл. XII).

Смѣемъ думать, что подобными типами нравственный прогрессъ упрочиться не можетъ. Хитрость, лукавство, лицемеріе, фарисейство, халжество, продажничество, чловѣкоугодіе,—вотъ законныя чада системы приспособленія, возводимой дарвинизмомъ въ законъ. Но изъ подобныхъ чадъ выростутъ не герои духа, но бездушные барышники, торгующіе правдой съ цѣлью нажить побольше процентовъ.

V.

Великой *браковкой*, по теоріи Дарвина, подлежитъ все живущее на землѣ. Ту же участь, конечно, предназначено

испытывать и человѣку. И это необходимо должно быть такъ. Если бы было иначе, по выкладкамъ одного нашего ученаго, человѣкъ, размножающійся гораздо медленнѣе другихъ организмовъ, въ 2535 году (слѣдоват., чрезъ 637 лѣтъ) своимъ потомствомъ покроетъ всю землю, сушу и воду, сплошной толпой, примыкая плечемъ къ плечу. Только, благодаря тому, что существуетъ естественный подборъ, который осуждаетъ на гибель негодные экземпляры, человѣчество можетъ избѣжать такой угрожающей тѣсноты. Итакъ, миллионы существъ гибнутъ, чтобы предоставить мѣсто сравнительно немногимъ счастливымъ. Существа, лишеныя разума и сознанія, относятся, разумѣется, къ факту такого ужаснаго истребленія безразлично; но какъ относится къ этому человѣкъ? Какъ существо чувствующее и разумное, онъ къ этому факту безразлично относиться не можетъ; и, съ одной стороны, онъ испытываетъ страданіе, а съ другой онъ видитъ въ этомъ какую-то грандіозную логическую безсмыслицу, лежащую въ самомъ основаніи міровой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, для чего эта безсмысленная гибель существъ? Для чего это безбрежное море страданій? Какому это ненасытному, безпощадному божеству пужны такія безчисленныя жертвы? Разумѣется, дарвинизмъ не отвѣчаетъ на эти вопросы, да и не можетъ отвѣчать. Но въ такомъ случаѣ, какая мрачная перспектива представляется человѣческому сознанію, когда оно поставитъ себѣ самъ собою напрашивающійся, не отвязчивый вопросъ о цѣли жизни. Для чего я родился? Для чего я живу? И если мнѣ приходится терпѣть фіаско на жизненномъ пиру, если моя жизнь для меня самого является причиной собственныхъ страданій, то въ чемъ заключается смыслъ и моей жизни и моихъ страданій? Единственный отвѣтъ, какой можетъ быть съ точки зрѣнія дарвинизма, будетъ тотъ, что изъ этого безбрежнаго моря гибели и страданій должно явиться въ концѣ концовъ совершенство, что изъ смерти должна возникнуть жизнь. Но какое же будетъ утѣшеніе для самосознающей личности въ мысли, что она явилась въ этотъ злополучный міръ для того, чтобы приложить свои кости къ необъятной кучѣ другихъ костей, которыя послужатъ основаніемъ какого-то величественнаго зданія съ невѣдомыми ей жильцами? Слу-

жить въ качествѣ матеріала, которымъ будутъ утрамбовывать путь для болѣе безпрепятственного шествія послѣдующихъ поколѣній,—развѣ эта мысль не убійственна для самаго невзыскательнаго самолюбія, или развѣ она можетъ служить сколько нибудь удовлетворительнымъ для моего сознанія отвѣтомъ на вопросъ: для чего я появился на свѣтъ и живу? И это самолюбіе не мелочнаго характера: мое самосознаніе, основанное на изслѣдованіи сущности моего духа, говоритъ мнѣ, что мнѣ предназначена роль болѣе благородная и высокая, а не заключающаяся въ томъ, чтобы служить въ качествѣ матеріала для утрамбовыванья почвы.

Но, говорятъ, человѣку должна служить великимъ утѣшеніемъ мысль, что онъ своимъ служеніемъ правдѣ и добру будетъ содѣйствовать успѣхамъ нравственнаго прогресса человѣчества, онъ долженъ напередъ испытывать радость въ томъ соображеніи, что нѣкогда на страницахъ исторіи имя его будетъ отмѣчено, и взвѣшено будетъ его участіе въ культурномъ развитіи человѣчества. Итакъ, служить правдѣ и добру во имя прогресса, во имя благодарности со стороны будущихъ поколѣній? Но не значить ли это убаюкивать себя иллюзіями? Послушаемъ человѣка, который сначала страстно вѣровалъ въ прогрессъ, а потомъ самъ эту вѣру сокрушилъ собственными своими руками; мы разумѣемъ А. И. Герцена. „Если прогрессъ — цѣль, говоритъ онъ, то для кого мы работаемъ? Кто этотъ Молохъ, который по мѣрѣ приближенія къ нему труженниковъ, вмѣсто награды питается и въ утѣшеніе обреченнымъ на гибель толпамъ, которыя ему кричатъ: *morituri te salutant*, только и умѣетъ отвѣтить горькой усмѣшкой, что послѣ ихъ смерти будетъ все прекрасно на землѣ? Неужели и вы обрекаете современныхъ людей на жалкую участь каріатидъ, поддерживающихъ террасу, на которой когда нибудь другіе будутъ танцовать?... или на то, чтобы быть несчастными работниками, которые по колѣно въ грязи тащутъ барку съ таинственнымъ руномъ и съ смиренной надписью: „прогрессъ въ будущемъ“ на флагѣ? Утомленные падаютъ на дорогѣ, другіе принимаются за веревки, а дороги, какъ вы сами сказали, остается столько же, какъ при началѣ, потому что прогрессъ безконченъ. Это одно

должно бы было насторожить людей; цѣль, безконечно далекая, — не цѣль, а если хотите, уловка; цѣль всегда должна быть ближе, по крайней мѣрѣ, заработная плата, или наслажденіе въ трудѣ“... „Вы подумали ли надлежащимъ образомъ, что эта цѣль исторіи — программа что ли или приказъ? Кто его составилъ, кому онъ объявленъ? Обязателенъ онъ, или нѣтъ? Если да, то что мы, — куклы или люди въ самомъ дѣлѣ? Нравственно свободныя существа, или колеса въ машинѣ! Для меня гораздо легче жизнь, а слѣдовательно, и исторію считать за достигнутую цѣль, нежели за средство достиженія... Какъ цѣль, какъ утѣшеніе, онъ (прогрессъ) не имѣетъ никакого смысла. Если же ему придаютъ значеніе цѣли и утѣшенія, то онъ становится обидою для человѣческой личности, насмѣшкою надъ нею и даже отрицаніемъ ея свободы“. (Н. Страхова „Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ. Герценъ“. Стр. 129—130).

Такъ мало утѣшенія приноситъ мысль о прогрессѣ. Уповать на благодарность людей, — и въ этомъ находить себѣ утѣшеніе, творя добрыя дѣла? Но послушаемъ объ этомъ самаго завзятаго эволюциониста, М. Нардау, — какъ онъ отзывается объ этомъ: „Человѣкъ, говоритъ онъ, совершившій великіе подвиги, способствовавшій прогрессу своего народа или человѣчества, желаетъ имѣть увѣренность, хотя бы въ такомъ слабомъ и заслуженномъ проявленіи благодарности съ его стороны, какъ сохраненіе о немъ воспоминанія. Тщетное желаніе, тщетное стремленіе. Память человѣчества противится сохраненію именъ и образовъ единичныхъ людей и продленію ихъ индивидуальнаго существованія за естественными предѣлами человѣческой жизни, хотя бы въ видѣ блѣднаго отраженія въ воспоминаніи людей. Какова продолжительность существованія даже славнѣйшихъ именъ? До сихъ поръ человѣчество не сохранило изъ нихъ ни одного, которые прожили бы, напр., десять тысячъ лѣтъ, а что такое представляетъ эта цифра въ жизни человѣчества, не говоря уже о существованія планетъ и солнечной системы!... Жалкое зрѣлище представляютъ усилія индивида, направленныя къ предохраненію своей индивидуальной формы отъ дѣйствія законовъ разрушенія. Онъ нагромождаетъ крупные камни въ

видѣ гигантскихъ памятниковъ, придаетъ бронзѣ очертаніе своей фигуры, записываетъ свое имя на каждой страницѣ книги, выбиваетъ его на мраморѣ и металлѣ, связываетъ съ учрежденіями, улицами и городами. Дворцы и статуи, книги и надписи должны и въ отдаленнѣйшихъ временахъ говорить людямъ объ одномъ этомъ имени и напоминать, что нѣкогда носилъ его великій человѣкъ, заслужившій право на уваженіе потомства. Но неодушевленные предметы, которымъ мечтавшій о славѣ человѣкъ поручилъ охрану и заботу о его памяти, не долго исполняютъ свою обязанность. Если имъ даже и удастся избѣжать разрушенія, то они теряютъ голосъ и вскорѣ перестаютъ произносить имя, которое должны были повторять отдаленнѣйшимъ поколѣніямъ. Со временемъ во дворцѣ поселяются люди, создающіе произвольный рассказъ о его происхожденіи; статуѣ они даютъ первое попавшееся имя, даже въ названіи города затемняютъ имя основателя, превращая, на прим., Константинополь въ Стамбуль, и безпечно стирая слѣды великаго человѣка, подобно ребенку, который шутя стираетъ буквы съ грифельной доски... Какъ не существуетъ человѣка, у котораго былъ бы живъ его отдаленнѣйшій предокъ, такъ точно мы не найдемъ ни одного дѣянія человѣческаго, которое бы принесло чрезъ темную глубину временъ имя своего творца. Что знаемъ мы о людяхъ, создавшихъ своей умственной работой всю нашу культуру и цивилизацію? Какъ великъ былъ человѣкъ, впервые давшій намъ огонь! А между тѣмъ кто сохранилъ воспоминаніе о немъ? Кому придетъ въ голову съ благодарностію вспоминать о немъ, сидя зимой у камнина и грѣясь? Какъ велика была геніальность человѣка, которому впервые пришла мысль сдѣлать добываніе хлѣбныхъ злаковъ независимымъ отъ случайностей и обратиться къ методическому воздѣлыванью почвы для правильныхъ періодическихъ посѣвовъ! Благословляетъ ли кто-нибудь его имя, ежедневно вкушая хлѣбъ? Теперь мы еще помнимъ изобрѣтателей телеграфа, паровой машины и желѣзныхъ дорогъ; но вѣдь за то эти изобрѣтенія и совершились чуть не вчера. Люди, на глазахъ которыхъ они возникли, отчасти еще живы. Но пройдетъ не мало времени, и имена Земеринговъ, Эрштетовъ, Амперовъ, Баллей и Эдиссоновъ,

Павиновъ, Уаттовъ и Стефенсоновъ, будутъ преданы забвенію наравнѣ съ великими изобрѣтателями искусственнаго огня и земледѣлія. Человѣчество будетъ пользоваться телефонами и поѣздами - молніями такъ же равнодушно, какъ нынѣ огнемъ и хлѣбомъ, не платя ни малѣйшей дани признательности своимъ благодѣтелямъ въ видѣ воспоминанія". (Максъ Пардау. Въ поискахъ за истиной. Перев. съ нѣм. 1887 г.).

Нѣтъ, только христіанскій взглядъ на жизнь можетъ освободить человѣка отъ противорѣчій, на какія неизбѣжно наталкивается его умъ при наблюденіи подъ жизнію человечества и такимъ образомъ предохраняетъ его отъ унынія и отчаянія въ дѣлѣ его нравственнаго самоусовершенствованія. Много страданій въ жизни человечества, — жизнь его не усыпана розами, — но на нее и нельзя смотрѣть какъ на нѣчто окончательное, — она есть только приготовленіе къ жизни будущей, настоящей. Здѣсь мы не имѣемъ пребывающаго града, но взыскуемъ грядущаго, потому что настоящее наше жительство на небесахъ есть. — Не видимъ мы здѣсь и соотвѣтствія между добродѣтелью и счастьемъ, между подвигомъ и воздаяніемъ за него; но есть Отецъ Небесный, безъ воли Котораго и волосъ съ головы нашей не погибнетъ и Который въ свое время воздастъ каждому по дѣламъ его. Многи скорби праведнымъ, но отъ всѣхъ ихъ избавитъ Господь. А теперь пока подвигомъ добрымъ нужно подвизаться, и путемъ терпѣнія готовить свою душу для другой жизни. *Въ терпѣніи вашемъ стяжите души* ваша. Только такой взглядъ на жизнь можетъ предохранить человѣка отъ отчаянія и вселить въ него бодрость на тяжеломъ пути нравственнаго самоусовершенствованія. Только идея безсмертія съ признаніемъ существованія праведнаго мздовоздаятеля открываетъ для человѣка перспективу, уясняющую ему цѣль и смыслъ его жизни и освобождающую его отъ разнаго рода сомнѣній и тѣхъ мучительныхъ противорѣчій, которыми полна наша земная жизнь.

VI.

Какой, же въ концѣ концовъ, мы установимъ взглядъ на дарвинизмъ? Намъ скажутъ: что вы ни говорите, а должны

признать фактъ, что дарвинизмъ занялъ почетное мѣсто въ наукѣ. Физиологія, психологія, социологія, политическія науки и пр. и пр. широко пользуются его услугами. Не станемъ мы умалять значеніе въ наукѣ теоріи Дарвина, послѣ того какъ ее признали такіе ученые авторитеты, какъ Гельмгольцъ, Дюбуа Реймондъ и др. Но мы возражаемъ противъ расширенія этой теоріи на всю область явленій человѣческаго духа, чего желаютъ неумѣренные послѣдователи Дарвина. Теоріей эволюціи, основанной на законахъ необходимости возникновенія однихъ формъ изъ другихъ, нельзя объяснить всей жизни человѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ основѣ закона необходимости лежитъ нѣчто слѣпое, механическое, не разумное, и было бы логическою ошибкою объяснять изъ нея проявленія мысли, разума и свободы человѣческаго духа, возвышающагося надъ законами механики, хотя и находящагося въ извѣстной зависимости отъ нея. Тьма не можетъ породить свѣта, неразумное не можетъ быть источникомъ разума. „Космическая эволюція, говоритъ Гексли, можетъ объяснить намъ, какъ возникли добро и зло въ стремленіяхъ человѣка, но она не подвинетъ насъ ни на шагъ въ пониманіи, почему то, что мы зовемъ добромъ, заслуживаетъ предпочтенія передъ тѣмъ, что мы называемъ зломъ“. (Р. м. 93 г. № 9. стр. 125). Вотъ признаніе честнаго яраго дарвиниста.

И не только дарвинизмъ, но вообще наука не можетъ претендовать на разъясненіе всего, тающагося въ духѣ человѣка. Она имѣетъ дѣло съ истинами условными, относительными, переходящими, которыя нынѣ могутъ быть, завтра не быть. Была система Птолемея, и для своего времени она была истинной, и наука пользовалась ею для своихъ цѣлей; но явился Коперникъ и доказалъ, что до сихъ поръ чововѣчество заблуждалось, что истина не тамъ, гдѣ ее предполагали. Нужно думать, что и съ другими теоріями случится тоже самое. Дарвинизмъ же, съ своимъ ученіемъ объ измѣнчивости и переходѣ всего существующаго въ иныя формы, подписываетъ смертный приговоръ и самому себѣ. Откроются новые X—лучи, —и измѣнится поле нашего зрѣнія, и наукѣ придется считаться съ новыми явленіями, не поддающимися объясненіямъ прежнихъ теорій.

Но въ человѣческомъ духѣ есть стремленія и запросы, имѣющіе безусловный характеръ, которыхъ нельзя вычеркнуть и которыхъ однако же не можетъ удовлетворить никакая наука: имъ можетъ удовлетворить только вѣра, но не знаніе. Скажутъ опять, что область вѣры есть область иллюзій, что ея запросамъ не соотвѣтствуетъ ничего реально существующаго. Но теперь и мы въ свою очередь спросимъ людей науки,—есть ли у нихъ что нибудь не подлежащее сомнѣнію? Въ самомъ дѣлѣ, если подвергнуть анализу наше эмпирическое знаніе, то мы найдемъ, что въ основѣ его лежатъ наши ощущенія. Но соотвѣтствуютъ-ли наши ощущенія дѣйствительности предметамъ вѣшняго міра,—это еще вопросъ,— и ученые объ этомъ спорятъ. По крайней мѣрѣ, о наукѣ теперь признано, что въ дѣйствительности не существуетъ ни тепла, ни холода, ни цвѣта, ни звуковъ, и что только наше ощущеніе преподноситъ въ этихъ формахъ впечатлѣнія отъ вѣшнихъ предметовъ нашему сознанію. Такимъ образомъ, выходитъ, что мы обречены черпать все свое знаніе изъ собственнаго сознанія, что всякая попытка найти объективную истину останется безуспѣшной. И мы никогда не вышли бы изъ своего заколдованнаго круга, и ужасный скептицизмъ разѣлъ бы наше сердце, если бы и въ этомъ случаѣ къ намъ не явилась на помощь *вѣра*, успокоивающая насъ въ томъ, что предметы нашего сознанія, и предметы вѣшняго міра должны быть болѣе или менѣе адекватны (соотвѣтствовать другъ другу),—но доказать этого научно мы не въ силахъ.

Поэтому, если наука съ очевидностію не можетъ доказать достовѣрность своихъ собственныхъ знаній, то она не вправѣ подвергать сомнѣнію и существованіе предметовъ вѣры. И мы утверждаемъ, что если есть въ человѣческомъ духѣ запросы и стремленія къ безусловному и безконечному, то есть и соотвѣтствующій этимъ стремленіямъ объектъ. Такой объектъ мы должны признать въ началѣ всѣхъ началъ, въ Богѣ, Который не остается по ту-стороннимъ, безучастнымъ зрителемъ всего совершающагося въ мірѣ, но промышляетъ о немъ или направляетъ къ добру и совершенству. И мы полагаемъ, что только вѣра въ такого благого Бога, будучи источникомъ существованія въ человѣкѣ стремленій къ безконечному, служитъ ему источни-

комъ и для созданія нравственныхъ идеаловъ, указывающихъ ему путь къ нравственному усовершенствованію. Дарвинизмъ съ его теоріей борьбы за существованіе и естественнаго подбора, дѣйствующаго слѣпымъ механическимъ образомъ, не создаетъ въ немъ подобныхъ идеаловъ.

С. Левитскій.
